

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1963 • № 3

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Горбанев Н. А.
Н. М. Златовратский в оценке
Г. В. Плеханова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

Н. ГОРБАНЕВ

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ В ОЦЕНКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Критические отзывы Г. В. Плеханова о Н. Н. Златовратском почти не привлекали к себе внимания исследователей. Между тем они представляют значительный историко-литературный интерес, во многом дополняя его статьи, посвященные Г. И. Успенскому, Н. Е. Каронину-Петропавловскому и Н. И. Наумову и объединенные в серии «Наши беллетристы-народники».

Прежде всего бросается в глаза настойчивость, с какой Плеханов возвращался к творчеству Златовратского. Еще во второй половине 70-х годов, сам будучи народником, он приветствовал Златовратского как самого яркого выразителя народнической романтики в литературе («Об чем спор?», 1878). Особенно пристальным было внимание Плеханова к произведениям Златовратского в 80—90-е годы, в пору исторического спора между марксистами и народниками по вопросу о судьбах капитализма в России. Первая марксистская работа Плеханова появилась в октябре 1883 года, а уже в следующей за ней работе, «Наши разногласия», написанной в 1884 и вышедшей в январе 1885 года, Плеханов анализирует нарисованную в «Деревенских буднях» Златовратского картину разложения сельской общины. Важное место заняли ссылки на очерки Златовратского в критическом этюде Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова» (1896). В промежутке между этими двумя работами Плеханов обращался к произведениям Златовратского во «Внутреннем обозрении» журнала «Социал-демократ», в статье «Странное недоразумение», в статьях об Успенском и Каронине. Далее мы встречаем замечания о Златовратском в статье «Н. И. Наумов» (1897), в статье-рецензии на «Историю новейшей русской литературы» А. М. Скабичевского (1897), в работе «Н. Г. Чернышевский» (1909). К 900-м годам относится замысел Плеханова написать статью о Златовратском для серии «Наши беллетристы-народники» (в сборнике «За двадцать лет») ¹ и раздел о нем в одной из глав «Истории русской общественной мысли».

В своих публицистических и критических работах Плеханов эффективно использовал творчество Златовратского для борьбы с народническим догматизмом. Одновременно он выявил сильные и слабые стороны произведений писателя, определил его своеобразное место в ряду других беллетристов-народников.

В программной статье «Гл. И. Успенский» (1888) Плеханов характеризовал литературное народничество как особое направление в русском реализме 70—80-х годов, несущее в себе черты народнической романтики. В то же время он дифференцировал писателей этой школы главным образом по характеру разработки ими магистральной темы — крестьянской.

В каком же виде рисовалась Плеханову картина развития народнической литературы в 70—80-е годы? Какое место отводил он в ней Златовратскому? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться в первую очередь к истории создания и публикации серии статей «Наши беллетристы-народники».

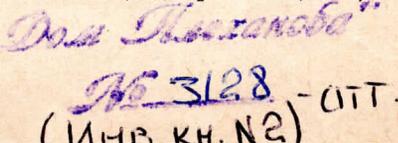
Как известно, первоначально названная серия состояла из двух статей: «Гл. И. Успенский» и «С. Каронин», которые были опубликованы в сборниках «Социал-демократ», вышедших в Женеве соответственно в августе 1888 и феврале 1890 года. В майской книжке легального марксистского журнала «Новое слово» за 1897 год Плеханов поместил статью «Н. И. Наумов». В 1905 году он включил ее, вместе с двумя другими, в легальный сборник своих работ «За двадцать лет», причем вынес статью о Наумове на первое место, поставив за нею ранее написанные статьи об Успенском и Каронине. В двух последующих изданиях сборника (1905, 1908) ни состав серии, ни порядок следования статей в ней Плехановым не менялся. Последний был изменен Д. Рязановым — редактором первого советского собрания сочинений Плеханова, который в десятом томе этого издания расположил статьи о беллетристах-народниках в порядке их написания. Этот хронологический принцип сохранился во всех других публикациях плехановского литературно-критического цикла.

Между тем вариант сборника «За двадцать лет», воплощавший волю самого автора, ² не был, конечно, случайным. Очевидно, он почему-то лучше отвечал замыслу Плеханова. Почему же?

Предпосылая своим ранним работам статью о Наумове, Плеханов, как нам кажется, тоже следовал хронологии, но хронологии иного порядка. Дело в том, что

¹ См. письмо заведующего издательством «Общественная польза» С. Н. Салтыкова к Плеханову от 7 октября 1905 года с просьбой прислать обещанную для третьего издания сборника статью о Златовратском (Дом Плеханова, инв. № 3189, ед. хр. В.384.10).

² Из письма Н. Иорданского (посредник между Плехановым и издательством «Общественная польза», в котором выходил сборник) от 11 января 1905 года явствует, что «план сборника, порядок статей и общее заглавие книги» определены были самим Плехановым (Дом Плеханова, инв. № 2168, ед. хр. В.188.2, л. 1).

в этой статье он рассматривал Наумова как писателя, типичного для народнической литературы раннего периода — 70-х годов, и не мог, не смещая исторической перспективы, заключать разбором его творчества свою серию, предыдущие статьи которой были посвящены творчеству Успенского на переломе 70—80-х годов и творчеству Каронина 80-х годов. К тому же творчество Каронина он считал новым в сравнении с Успенским звеном в развитии народнической беллетристики, «новым направлением» в ней.³ В силу этого плехановская серия только в том виде, какой был придан ей в сборнике «За двадцать лет», приобретала композиционную слаженность и внутреннее единство, являясь не просто суммой статей, а цельным исследованием народнической литературы в ее движении и развитии.

Можно полагать, что если бы Плеханов написал задуманную им статью о Златовратском, то она нашла бы в серии «Наши беллетристы-народники» место между статьями о Наумове и Успенском. Такое расположение вполне отвечало бы представлению Плеханова о месте автора «Деревенских будней» в народнической литературе 70—80-х годов как оно раскрывается в статье «Н. И. Наумов» и в работе «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова».

Разбирая наумовские рассказы из быта сибирских крестьян, Плеханов отметил две особенности народнической беллетристики «эпохи семидесятых годов». Во-первых, она обращала внимание не столько на процесс разложения старого общинного уклада, сколько на то, «каков был этот старый экономический порядок и как отражался он на взглядах, чувствах и привычках народной массы, подвергавшейся его неотразимому влиянию».⁴ В 70-х годах еще не обнаружилось так ярко разложение деревни, и Наумов в своих произведениях, замечает Плеханов, «едва-едва касается этой стороны дела» (X, 131).

Во-вторых, для Наумова и народнической литературы 70-х годов вообще была характерна идея однородности крестьянства, убеждение, что «между крестьянином-кулаком и крестьянином-жертвой кулацкой эксплуатации нет ровно ничего общего», что кулак — «случайный плод внешних неблагоприятных влияний на народную жизнь» (X, 116). Поэтому в рассказах Наумова, говорит Плеханов, «есть только два героя: эксплуататор и эксплуатируемый», которые «отделены друг от друга целой бездной, и никаких переходов от одного к другому, никаких связующих звеньев не замечается» (X, 116).

В том и другом отношении Златовратский, по мысли Плеханова, сделал шаг вперед по сравнению с писателями-семидесятниками. У него (так же как у Г. Успенского и Каронина) ярко изображены как самый процесс разложения старого экономического быта, так и его общественные и психологические последствия (X, 131). Вместе с тем Златовратский отошел от схемы «кулак и его жертва», и в его произведениях «действующие лица являются по большей части уже живыми людьми, а не антропоморфными отвлеченностями» (X, 116).

Нужно заметить, что, оценивая таким образом творчество Златовратского, Плеханов имел в виду прежде всего «Деревенские будни» и другие очерки, созданные писателем в конце 70-х—начале 80-х годов. Именно эти произведения дали Плеханову основание отнести Златовратского к числу «беспристрастных исследователей нашей народной жизни» (IX, 157), к числу «народников-классиков» (IX, 173) и сблизить его с Глебом Успенским (IX, 164; X, 131). На эти произведения Плеханов опирался в своей боевой, темпераментной полемике с народниками по вопросу о том, «быть или не быть общине?» (такую форму принимал в 80—90-х годах вопрос о судьбах капитализма в России).

В работе «Наши разногласия» прекрасно обрисованная в «Деревенских буднях» (1879) картина разложения «стародедовских» устоев является как бы прелюдией к экономико-статистическому исследованию положения общины.

Приводя наблюдения Златовратского над общиной, представлявшей собою «тот средний тип современной *новой* деревни, к которому или стремятся приблизиться все вообще русские деревни, или некоторые успели уже шагнуть далеко и дальше в том же направлении, т. е. в направлении дезорганизации устоев деревни старой, как представительницы принципа труда и экономического равенства», Плеханов вслед за автором показывал, как процесс разложения общины отражается на ее внешнем виде, красноречиво сказывается на цифрах, выражающих бюджеты отдельных хозяйств, и т. д. «Г. Златовратский знает, — заключал Плеханов разбор первой части очерков, — что есть еще такие деревни, „и много еще их есть, где вы чувствуете и видите крепкие, несокрушимые основы“ старого общинного быта. „Но больше этих деревень *было*, чем есть“» (II, 240). Теперь же в деревне, как это видно из «Деревенских будней», все более и более укрепляется то, что Златовратский называет «атмосферой двоедушия и двуличия» и что составляет неизбежное следствие разложения общины на несколько слоев.

В этой последней связи особое внимание Плеханова привлекла описанная во второй части «Деревенских будней» община «хозяйственных мужичков», в которой

³ «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 8.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. X, ГИЗ, М.—Л., 1925, стр. 120 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

налицо было и расслоение крестьянства, и грубое насилие кучки кулаков над обнищавшими сообщниками. «С одной стороны, — писал Плеханов, цитируя отдельные места книги, — вы видите добродушного *хозяйственного мужичка*, „который имеет надел всего только на одну душу, а между тем обрабатывает три, четыре, даже пять наделов своих собратьев, которые не в силах их тянуть“; с другой стороны, перед вами именно эти „малосильные“ хозяева, „чернота“, „беднота“ и т. д., которые „или сами же, в качестве наемщиков, работают у своего арендатора, или совсем заколачивают свои избы и уходят на сторону, Бог весть куда, никогда, другой раз, даже не заявляясь в свою родную общину“ (II, 240). Положение бедняков в таких общинах Златовратский изображал с суровым реализмом, и Плеханов дважды ссылался в своей работе на картины жестокой эксплуатации бедного «воздушного народа» хозяйственными мужичками и мироедами. Он говорил, обращаясь к народникам: «В вашем воображении рисуется та идеальная община, которая может явиться после революции... Воздушный же народ имеет дело с тою *действительной* общиной, в которой утвердился уже его непримиримый антагонист, „хозяйственный, умственный мужичок“, самодовольно повторяющий: „у нас чернота не держится... у нас ей вздоху нет...“» (II, 242).

Община разлагается на слои с непримиримыми интересами, превращаясь из опоры ее беднейших членов в орудие их окончательного разорения и закабаления, «воздушный народ» бежит от нее, как от яра, — таковы главные выводы Плеханова из «Деревенских будней», выводы, опирающиеся на точный смысл показаний Златовратского.

То что именно таков объективный смысл очерков, пробивающийся сквозь народнические убеждения и иллюзии автора, поняли тогда очень немногие. Большинство критиков 70—90-х годов, расходясь между собой в оценке «Деревенских будней», одинаково видело в них лишь прославление общинных «основ» и «устоев». Так, по мнению Венгерова, «Деревенские будни» — это «своего рода энциклопедия деревенской жизни», знаменующая приближение автора «к полному пониманию народных „устоев“». ⁵ Рецензент «Русской мысли» ставил в заслугу Златовратскому «прекрасную картину мирского схода, переделов, „помочей“ и других общинных бытовых порядков». ⁶ С другой стороны, Протопопов, который отнесся к очеркам осуждающе, усматривал их основную идею «в защите идеальной общины, нигде, никем и никогда практически не осуществлявшейся». ⁷ Богданович видел в авторе «Деревенских будней» лишь «сладкоголосого певца деревенского мира». ⁸

Вразрез с этими односторонними толкованиями Плеханов, как мы видели, дал высокую оценку «Деревенским будням» — но не за выраженные в них утопические надежды на торжество принципов идеальной общины, а за реалистические зарисовки действительной жизни общины. Таким же образом подошел он и к «Очеркам деревенского настроения» (1881) и «Очеркам народного настроения» (1884), которые примыкают к «Деревенским будням» и служат их прямым продолжением.

В этих произведениях произошло углубление реализма Златовратского по сравнению с «Деревенскими буднями». Это хорошо видно из отношения писателя к такому частному, но важному вопросу жизни русской деревни, как вопрос о периодических переделах общинных земель. Если в «Деревенских буднях» (гл. VIII) акт передела земли восхищает Златовратского как «замечательная общенародная бытовая форма», то в «Очерках народного настроения» передел оценивается иначе. В главе под характерным названием «Скорбные листки», рисуя «грустную картину полного крушения современной общины», Златовратский отмечает, что переделы потеряли свое практически рациональное значение и являются лишь дележом добычи между кулаками, особенно в тех деревнях, где на месте прежних общин земледельцев образовались особого рода кулацкие «общины землевладельцев». ⁹

В критическом этюде «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова» и других работах Плеханов приводит эти проникательные наблюдения Златовратского, не оставлявшие и следа от возводимых народниками воздушных замков, в которых обитали проникнутые «идеями передела» общинники. По словам Плеханова, автор народнического евангелия «Крестьянская община» В. П. Воронцов, восхваляя передел как средство сохранения и укрепления равенства между общинниками, «видит только внешнюю сторону» того явления, сущность которого хорошо уловил Златовратский в «Очерках народного настроения» (IX, 163—164; III, 224). ¹⁰

В той же работе Плеханов ссылается на «Очерки деревенского настроения», приводя замечания Златовратского о том, что в крестьянской среде растет недоверие к общине и что в отличие от крепостного мужика, который только и мог ска-

⁵ «Устой», 1882, № 3—4, отд. II, стр. 134.

⁶ «Русская мысль», 1882, № 6, отд. II, стр. 20.

⁷ Там же, 1891, № 6, отд. II, стр. 94.

⁸ «Мир божий», 1898, № 1, отд. II, стр. 4.

⁹ Н. Златовратский. Очерки народного настроения. «Русская мысль», 1884, № 1, стр. 102.

¹⁰ См. также: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV. Соцэкгиз, М., 1937, стр. 18.

затем об общинных порядках: «должно хорошо, коли отцы так жили», «мужик новейшей формации» становится к общине «в критическое отношение» (IX, 173).

В «Очерках деревенского настроения» Златовратский смог решить, и решить в общем правильно, вопрос о происхождении кулака, который был камнем преткновения для народнической литературы 70-х годов (Н. И. Наумов, Ф. Д. Нефедов, П. В. Засодимский и др.). «Кто же, однако, этот всемогущий Колупаев?» — спрашивал Златовратский и, в противоположность писателям-семидесятиникам, отвечал: «Мужик, бывший барский бурмистр, холоп и раб».¹¹ И когда Плеханов, осуждая наумовскую схему «кулак и его жертва», противопоставлял автору «Юровой» Златовратского, он имел в виду в первую очередь «Очерки деревенского настроения». На первых же страницах этого произведения Златовратский выражает свое несогласие с теми, кто сводит изучение деревни «к констатированию существования двух несоизмеримых величин в народной среде: эксплуататоров и эксплуатируемых, кулаков-мироедов и изнывающей в нужде массы».¹² В противовес этой «упрощенной формуле» Златовратский предлагал свою «схему общинной дифференциации», которую Плеханов полностью привел в этюде против Воронцова.

«В данный момент, — писал Златовратский в 1881 году, а Плеханову приходилось доказывать то же самое Воронцову и ему подобным в 1896 году, — ясно уже обособились, каждая со своими специфическими интересами, три группы в среде общины: а) богачи, владеющие промышленными капиталами и скопившие эти капиталы путем индивидуальной предприимчивости помимо общины (кулаки, промышленники, подрядчики-хозяева, землевладельцы-собственники, живущие в общине, и пр.); б) умственно-хозяйственные мужики-землепашцы, коренные общинники, «средняки» по достатку, исключительно стремящиеся к скоплению в своих хозяйствах возможно более наделных или арендных общинных земель; в) общинный пролетарий-вольница, безлошадные, бобыли, батраки на собственных наделах и пр.»¹³ В полемике с легальными народниками 90-х годов, продолжавшими крепко держаться за идею однородности крестьянства, эти наблюдения Златовратского — «народника-идеалиста», «народника-оптимиста», «последовательного народника» и т. д., как он квалифицировался критикой 80—90-х годов, — приобретали значение неопровержимых и не подлежащих никакому сомнению данных.

Таковы основные факты обращения Плеханова к творчеству Златовратского. И лишь незнанием обстоятельств дела можно объяснить позднейшие мнения о том, что «полоса марксизма устранила и заслонила многие имена, в том числе и имя Златовратского»¹⁴ что Плеханов в своих работах «обошел» Златовратского.¹⁵

Златовратский представлен у Плеханова преимущественно своими сильными сторонами. Отсюда, разумеется, не следует, что Плеханов не замечал в его произведениях «романтики» и «романтизма», о которых так много писалось в критике. По его мнению, народническая романтика, которая была свойственна Златовратскому, выразилась главным образом в идеализации крестьянства. Но это была идеализация иного порядка, чем у Наумова. Она состояла в воспеании «общинных инстинктов крестьянина» (V, 341), в «кислосладких изображениях исконных, вековых добродетелей крестьян-общинников» (X, 67) и сказалась прежде всего в его ранних рассказах, повестях и романе «Устои».

Будучи в 70-х годах народником, Плеханов приветствовал ранние вещи Златовратского в статье «Об чем спор?», но в марксистский период к ним не возвращался, и это понятно: народнический оптимизм «Крестьян-присяжных» и других произведений этого плана не мог импонировать Плеханову-марксисту. Теперь в центре его внимания Златовратский — исследователь народной жизни, автор «Деревенских будней» и других очерков, богатых реалистическими зарисовками жизни и быта пореформенной деревни. Что касается более поздних произведений Златовратского, то Плеханов обращается к ним для характеристики шаткости идейных позиций писателя, который в стремлении обрести какую-нибудь почву под ногами то «видит выход в известной теории графа Л. Толстого» (X, 42),¹⁶ то «уповает на „Белого старичка“».¹⁷

Плеханов не раз называл Златовратского «горячим, убежденным народником» (IX, 157; III, 224). В этом отношении он проводил известную грань между ним и

¹¹ Н. Златовратский. Очерки деревенского настроения. «Отечественные записки», 1881, № 4, отд. II, стр. 208.

¹² Там же, № 2, отд. II, стр. 227.

¹³ Там же, № 5, отд. II, стр. 91—92.

¹⁴ А. Измайлов. Романтик в деревне. «Русское слово», 1911, № 285.

¹⁵ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. История русской интеллигенции, ч. II. СПб., 1911, стр. 103.

¹⁶ Очевидно, Плеханов имел в виду прежде всего повесть «Мои видения» (1885). По поводу этой повести один из критиков писал: «Мои видения г. Златовратского — самый откровенный апофеоз учения гр. Толстого, какой только можно встретить в нашей литературе» («Русская мысль», 1891, № 3, отд. II, стр. 164).

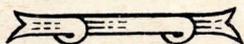
¹⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 20. См.: Н. Златовратский. Белый старичок. «Русское богатство», 1892, № 3, стр. 158—169.

Глебом Успенским, который был далек от преклонения перед «общинным духом» (V, 341). Но в своих публицистических и критических работах Плеханов выдвигал на первый план то ценное, что было в творчестве Златовратского, и уже самим фактом использования его произведений в полемике с легальными и нелегальными общинофилами отвергал распространенное мнение о фальсификаторском характере творчества автора «Деревенских будней».

Не надо забывать, что почти весь фронт либеральной и народнической критики 70—90-х годов рассматривал Златовратского — то в порицание, то в похвалу — как идеализатора народной жизни. Эволюция его творчества, противоречивость отдельных его произведений, как правило, не учитывались. Одна часть критиков утверждала поэтому, что его произведения «не имеют хоть сколько-нибудь определенной ценности».¹⁸ Другие считали, напротив, что он возвел «новое здание, показавши нам не воображаемые, а действительные положительные начала народной жизни, о которых до тех пор никому и не снилось».¹⁹ В сущности, те и другие видели одни слабые стороны Златовратского, только оценивали их по-разному.

На подобной точке зрения стоят и некоторые современные исследователи, сводящие объективное содержание творчества Златовратского к пропаганде народнических утопий. Так обедненно выглядит писатель в статье Н. В. Яковлева.²⁰ В этом духе истолковывает Златовратского и Н. И. Соколов, который видит в «Деревенских буднях», «Очерках деревенского настроения» и «Очерках народного настроения» лишь проповедь писателем «своих излюбленных (читай: народнических, — Н. Г.) взглядов на народную жизнь, на крестьянскую общину».²¹

Отзывы Плеханова показывали и показывают, что такой взгляд неполон и неточен и что необходимо внести в него существенные коррективы, с тем, чтобы правильно оценить творчество Златовратского как важное звено в развитии народнической литературы 70—80-х годов.

¹⁸ В. Чуйко. Сантиментальное народничество. «Наблюдатель», 1887, № 11, стр. 162.

¹⁹ А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. СПб., 1897, стр. 249.

²⁰ История русской литературы, т. IX, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 396—408.

²¹ Там же, стр. 365.

~~100~~

3128

AN
8.6
1-13-7

—0

855

~~45~~
~~Г-67н~~

ОТТ
3128
(Инд. Кн. N 2)